

Alysia Lis

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алисия Лис

Распад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48693874

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-03454-9

Аннотация

Они боялись смотреть на себя в зеркало, чувствуя себя потерянными и ненужными. У них не было будущего, потому что они бежали от него возможными способами. Но можно ли обмануть самого себя, спрятавшись в коридоре собственного подсознания? И не окажется ли это очередной сказкой с плохим концом?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие автора	4
С выпада	7
Не хватает	9
Моё "когда"	11
Я тебе обещаю	14
Рассвет	16
Разбиться о небо	18
Нелюбимые	20
Так и будет	21
Придётся	22
Право голоса	24
Добро пожаловать	25
Дописанные	27
В твоих глазах	29
Дети распада	30
Двадцать первое	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Предисловие автора

Пересохло в горле, и разум – каша,

Оказалось, не помнить совсем не страшно.

Страшнее помнить, но ничего не сделать.

*

Всем, когда-то платившим за выход дважды, потому что надо было думать, прежде чем иметь наглость не заплатить за вход.

Всем, кто думал, что не умрёт здесь. Никогда, ни при каких обстоятельствах не умрёт здесь. Потому что умирать в конкретном "здесь" страшнее, чем в абстрактном "там".

Всем, кто шёл к цели не сворачивая, но всё равно свернул, потому что не видел, куда идёт.

Всем потерянным, обезличенным, не нашедшим себя и утратившим всё остальное, забывшим отца и мать, адрес отчего дома и звук собственного имени.

Каждому из тех, кто знает о смерти больше, чем сама смерть, но не говорит об этом ни слова, потому что боится себя услышать.

Каждому, кто уже не помнит, что значит "быть" и поэтому не может читать Гамлета без усмешки.

Каждому, кто даже "не быть" больше не способен, потому что разучился подбирать антонимы к пустоте.

Каждому из них я воздаю хвалу. Каждого помню бесконечно бессмертным.

Каждому прочитавшему я желаю не оказаться за гранью. А если уже оказались, то поскорее выбраться.

Стоит ли жалеть тех, кто выбрал ту сторону? Нет, если этот выбор был осознанным. Беда лишь в том, что он не бывает осознан почти никогда.

Страшно ли мне от этого? Нет.

Но если вам всё это близко, мне очень больно.

С выпада

Я прихожу к тебе с выпада, полудохлая,
Слабая, изувеченная отчаянием.
Прямо с порога: "Больно мне, страшно, плохо мне"
Или смотрю в глаза и давлю молчание.

Я прихожу к тебе,
Мы сидим на полу
И говорим о Вечности как о доме,
Словно котят, забившиеся в углу,
Что не приемлют концепции "кто-то кроме
полулюбимых нас".

Этот город светел,
Эти страницы пестрят чернотой фраз.
Я опускаю белёдые руки-плети.
Этого хватит на слабенький, но рассказ.

Мы выпадаем, не говоря ни слова.
Где-то снаружи живая вода течёт.
Небо становится лёгким, живым, лиловым,
Мы не становимся лучше, но мы – не в счёт.

Мы открываем глаза – мир меняет форму,

Вечность меняет мир, не меняя нас.
Мы вспоминаем. Я ничего не помню
Про коридоры, сетку и третий глаз,
Но провожу руками по каждой линии
И вдохновляюсь зелёными переливами.
Слышен мой крик: "Забери меня!
Удали меня!
Я не могу больше жить
С счастливыми!"

Не хватает

Выбрось меня из дома,
Выкинь меня из окон,
Выплюни меня, Бездна.
Испепелён и сломан,
Скован в железный кокон,
Преданный безвозмездно

Долго бродил по свету,
Сеял тоску и смуту,
Ваши презрев уставы.
Но, не найдя ответа,
Линии перепутав,
Стал вдруг во всём неправым.

Стал ледяным и мрачным,
Злобным и отчуждённым.
Смерти бояться бросил.
Все города прозрачны,
Если ты не рождённый
Ровно под цифрой восемьь.

Слишком мораль ужасна:
Мир не приемлет грусти,

Слабость и страх – табу.
Вся наша жизнь напрасна.
Бездна нас не отпустит,
Выжги себе на лбу.

Слишком пуста квартира.
Слишком мертва принцесса.
Вечность по швам распорота.
Мне не хватает мира.
Мне не хватает леса.
Мне не хватает города.

Моё "когда"

Моё «когда»

Умеет захватывать города.

Моё «когда»

Впивается, точно осколок льда,

В самое сердце, минуя металл оков.

У моего «когда» нет отходняков.

Моё «сейчас»

Доводит до выпадов сгоряча.

Моё «сейчас»

Волнует родителей и врача,

А вместе с этим развязывает войну.

Даже Создатель мира слегка всплакнул.

Моё «пока»

Врезается в белые облака.

Моё «пока»

Доносится ветром издалека.

Моё «пока» дрожит у меня в руках,

И никогда не думает отдыхать.

Моё «за что?»

Прячется тихо в карман пальто.

Моё «за что?»

Отлично сливается с пустотой.

Или же рвётся вперёд, только смысла нет.

У моего «за что?» слишком тусклый цвет.

Моё «забуди»

Пытается выдать тебе всю суть.

Моё «забуди»

Не даст оступиться или свернуть.

Даст тебе все пароли и все ключи.

Жаль, что от этого нужно потом лечить.

Моё «итак»

Последняя значимая деталь.

Моё «итак»

Сплошная безликая темнота.

Слабый писатель, угробивший треть листа —

После он точно отмажется, что устал.

Нервы оплавятся, как дорогая сталь,

Прошлого ужасы выйдут из-за куста.

Жизни биение – личностная чёрта.

Но за чертою, по-прежнему, ни черта.

Моё «увы»

Впивается внутрь твоей головы.

В моём «увы»

Сражаются мыши, а может – львы.
Но пустота никогда не расцепит рук,
У моего «увы» слишком слабый звук.

Я тебе обещаю

Я тебе обещаю.

Мы не привяжемся к миру, не будем себя окружать вещами.

В эту пустую квартиру войдут лишь те, кто уже отчаян.

Люди... Скажи да на кой они чёрт сдались нам?

Всё на нас сыпаться будет, как с неба листья.

Я холодна, как безликая, прочная тень в лесах.

Наша реальность нас кормит кусками льда.

Мы никуда не денемся, нет, не денемся.

Мы, обещаю, не денемся никуда.

*

В серых холодных лужах

Будут мои осколки.

Мы будем самым нужным

Хламом на этой полке.

В куче пустых бумажек

Будет и мой листок, но...

Я тебя вытащу даже

Если сама подохну.

*

Я тебе обещаю.

Город сожрёт нас вместе с полночным чаем.
Весь этот морок вечен, не обличаем.
Пёс с ним! Я всё это выскажу сгоряча им.
Только, пожалуйста, не распадайся всё же
Раньше меня, я ведь этого не снесу.
Если наш мир повсеместно одно и то же,
Я выбираю остаться
в моём
лесу.

Рассвет

Здесь всё заснуло, застыло и омертвело.
Это не сон. В нашей комнате минут три.
Мы здесь не вправе иметь ни души, ни тела.
Мы биомусор, мы пыль – ничего внутри.

Наш совершенный мир потерпел фиаско.
Милая леди, ты глазки раскрой пошире.
Галочку ставят, конечно же, красной краской.
Незачем думать, за нас уже всё решили.

То, как мы мыслим – не подлежит огласке.
Если узнают, то нас, как котят, потопят.
Я обещал, что со мною ты будешь в сказке,
Жаль, что она стала циклом антиутопий.

Мы ничего не изменим – одно и то же,
Это продлится ещё бесконечность лет.
Нас, очевидно, отловят и уничтожат.
Завтра, быть может, мы будем уже в земле.

Всё, что осталось – лишь кокон из одеяла,
Пара часов перед главной из всех потерь.
Вряд ли хоть кто-то заметит, что нас не стало,

Их не смущает раскрытая настежь дверь.

Люди упороты,

Море шумит и пенится.

Если мы выйдем из дома – сойдём на нет.

Мы в черте города.

Мы никуда не денемся.

Значит, я обещаю тебе

Рассвет.

Разбиться о небо

Записывайся на курсы потерянного мастерства. Я расскажу тебе, как не надо жить. Вообще-то могу и показать, если глаза не вытекут. А если вытекут, значит урок успешно усвоен. Это такая система оценки. Я отличный педагог, я знаю.

Из меня получилось настолько прекрасное наглядное пособие, что моя собственная карма никак не налюбуется, не забывая, конечно же, привносить в меня свои коррективы, которые, впрочем, вроде вяжутся с общей картиной. Поэтому, мне не страшно. Вернее, не поэтому.

Не страшно мне потому, что я помню, где я. Такое со мной редко, но случается. Обычно, я долго себе не верю. Считаю, что ошиблась. Сотни раз перепроверю.

Почему я здесь? Потому что где же, чёрт возьми, мне ещё быть, когда здесь всё рушится, как в древнем Риме? И что мне делать, если единственное, что я могу – это находится здесь время от времени, там же и теряясь?

Единственное, что я могу сказать абсолютно уверенно – это ещё не самое страшное. Самое страшное нам оставили на потом. Не смотри туда! Отвернись, говорю! Остановись...

Нет...

Чёрт!

Почему тебя вечно тянет в самое страшное?!

Я же пришла рассказать тебе сказку, как на три глаза ни

одного коридора. Как посреди темноты, только другая, ещё более плотная темнота. Как немеют руки, словно их нет вообще. Как тебя поднимает вверх, а ты не можешь подняться, боясь разбиться о небо. Как тебе мерещится, что ты год не писал, а потом ты находишь в заметках девять набросков, сомневаясь, твои ли?

Я же пришла тебе всё это втолковать. Прямо так, пешком через коридоры. Я в последнее время только так и хожу. Иначе мне просто не встать. Я всё ещё боюсь разбиться о небо. Да, это так. Несмотря на всё, что я знаю, я всё ещё содрогаюсь от мысли разбиться об это грёбаное серое небо. Я всё ещё не хочу об этом думать. Всё ещё рассказываю тебе про платный воздух, про то, что я буду делать с коробкой ниток и то, что весь этот кошмар никогда не закончится.

Только ты, пожалуйста, выкини меня из дома и закрой у меня перед носом дверь. Останови эту лекцию по безысходности. И больше никогда не пускай меня на порог. Я ещё многое могу рассказать тебе.

И да, кофе, стоящий на кухонном столе, лучше не допивай.

Это не кофе.

Нелюбимые

Не отражаясь в зеркале и росе,
Не издавая звука и даже вздоха,
Мы умираем резко и насовсем,
Если подумать – это не так уж плохо.

Мы умираем тысячи долгих зим.
Вечность глаголет не нашими ли устами?
Слабые твари, что тонут в своей грязи.
Я ведь уйду, ничего в тебе не оставив.

Я же сотрусь, ветер взвояет в моих ушах,
Резко срывая с петель города и двери.
Если серьёзно, то это последний шаг
Перед финальным падением.

Я
Не
Верю.

*

Мы засыпаем, миры разделяя поровну,
Лицами на осколках чужого прошлого.
Созданные в обратную сторону,
Слабые, нелюбимые, но хорошие.

Так и будет

Я люблю вас, бедные мои котики,
Параллельные линии площадей,
Променявшие вечное на наркотики,
Безыдейные
Пленники мира чужих идей.

Так и будет, слабые, полудохлые,
Променявшие мир на бред,
Свешиваясь в окна цветными лохмами
От заката до где-нас-нет.

Так и будет, впору вставать и делать,
Остальное – пепел и моветон.
Мы застряли навечно в чужих пределах.
Мы поем и мерещится нам не то.

Я живу в вас каждым воскресным вечером,
Каждым долгим выпадом, жёстким отходняком.
Я могу продолжать писать, но мне больше нечего
И неясно вообще о ком.

Придётся

Каждый живой не оправдан и не спасён,
Здесь ведь у всех едет крыша, в спине ножи.
Жизнь всё равно нас заставит примерить всё.
И никуда ты, хорошая, не сбежишь.

Прятать безумие в сумку, в карман пальто,
В ящик за ширмой, в сознания закрома...
Здесь у нас боль всех расцветок и всех сортов,
С коей начать, чем закончить – решай сама.

Здесь у нас страх всех масштабов. Из всех миров
Лезут ошибки твои. Но не в этом суть.
Каждый живой здесь потерян и нездоров,
Каждый во тьме. Только тьма-то и есть твой путь.

Если вот это не тот – подбери другой
Выход, раз карта не та – ты возьми иную.
Ты это всё ощутишь и возьмёшь с собой.
Если тебя и спросили, то в обходную.

Ну а точнее, никто тебя не спросил,
Ты удивишься – сценарий давно дописан.
Ты осознаёшь отсутствие денег, сил,

Места и времени, истины, слышишь, Lis'a.

Крики из леса и руки из-под земли,
Волосы в косу, в каскад, под каре и в хвост.
В жизни придётся попробовать всё, my Lis,
А по-другому у нас не стоит вопрос.

Право голоса

Мы заперлись где-то в пустом коридоре между
Мерзостным внутренним и совершенным внешним,
Странным, осознанным. Дайте хотя бы компас.
Не подсознание – целый храмовый комплекс.

Как здесь? Куда здесь? Выход похож на окна.
Если сегодня не вывезу, оба сдохнем.
Если сегодня не выйдем из дома – рухнет
Небо над городом и потолок над кухней.

Люди-то тыкают в лица, мол нам всё проще,
Типа мы сразу законченные и высшие.
Мы как шаманы, сидящие в тихой роще,
Наше живое сквозит в нас пустыми нишами.

Вечность советует вычеркнуть нахер полосы,
Чёрные, белые – пятна на покрывале.
И повернуть, очевидно, на
право
голоса,
Но мы его, конечно, давно сорвали.

Добро пожаловать

Вот и закат от слова «скатилось солнышко»,
Мрачное небо затянуто пеленой.
Добро пожаловать на социальное доньшко,
Можешь садиться рядом со мной.

Кто тебя пригласил сюда, заташил, наш кораблик тонет
В луже чего-то вязкого, прекрати.
Мы – застывающие, набирая номер,
Вышли из круга, забыв его начертить.

Кто тебя так ограничил до неприличия?
Кто рассказал тебе сказку про «жизнь легка»?
Не доверяй – проверяй и ищи отличия.
Не утони в фиолетовых облаках.

Здесь ведь затоплены трюмы, зияют дыры.
Глянeshь внутри, там же всюду тоска и жуть.
Мы ни на что не способны в границах мира,
Я лишь одна там брыкаюсь и вывожу.

Город сияет кусочками наших судеб,
Впору бы дверь или небо сорвать с петель.
Ты же здесь тоже не просто для «будь, что будет»

В этой огромной, эпической пустоте.

Здесь всё открыто, неистово и публично.

Тут же все сходят с ума и пиздят о счастье.

Кстати, вон там, рядом с дверью, висит табличка:

«Добро пожаловать в штаб

распадающихся

на части».

Дописанные

Уронили девочку на пол.
Оторвали девочке дар.
И пустили безумие залпом
По проводам.

Оборвался весь смысл верёвочный,
Не спасло ни одно «держись».
Но пока у неё – пусть хуёвая —
Всё же жизнь.

Потому-то хрустальная кукла в цветастом платье
Напилась, и в безмерной истерике, через край:
«Если ты меня всё-таки слышишь, – кричит, – Создатель,
Не играй в меня,
Не играй в меня,
Не играй!»

Потому и таращит глазки свои из бисера,
И читает сценарий, давясь от хрустальных слёз.
Кем родиться, чтобы стать персонажем такого высера —
Как сказал бы наш общий знакомый: «Вот в чём вопрос!».

Неужели нельзя без вот этой всей театральщины?

Тут же Гамлет обкуренный ползает в стороне.
Тут же столько пустых, на чужих обещаниях возвращенных,
Нахуя всё досталось безликой и праздной мне?

Потому-то она и метает свои ножи,
И кричит на холодные тонкие миражи:
" – Если что-нибудь значит нелепая моя жизнь,
Не играй в меня,
Не играй в меня,
Отвяжись!»

Её голос летит гулким эхом над сотней сцен,
Обрывается где-то на самом конце строки.
Нет ни капельки жизни и правды в её лице,
Но зато океан тоски.

*

Я ходил вчера в коридор на неё смотреть.
Если честно, то даже сожрал с кислотой билет.
И она, несомненно, конечно же, я – на треть.
Остальные две трети, дописанные,
в столе.

В твоих глазах

Я продержусь и пять, и шесть,
И даже больше, если надо.
Я вывезу всю эту жуть,
Ведь я давно продукт распада.

Я соберу свои клочки
В кулак – останки брэнной тушки.
Не будут серые волчки
Терзать края моей подушки.

Пусть мною движет боль и страх,
Я мир создам, потом раздам всё.
Я всё стерплю, увы и ах.

Но упаду в твоих глазах,
Как человек, который сдался.
А если нет – то в их глазах.

Дети распада

Всё это видно невооружённым глазом,
Всё на поверхности, ну же, раскрой глаза.
Мы бесполезные. Мы – это тупо разум,
Множенный на попытки всё рассказать.

Каждый сидит и жмётся в своём адочке
К самой холодной, самой пустой стене.
Как мы напишем об этом? «Дойти до точки?»,
«Выжить из сил?», «Заблудиться в кошмарном сне?»

Как, объясни мне, вот это всё происходит?
Как этот ёбаный сумрак остановить?
Мы застываем в подвале, на переходе
В новую Вечность, которой не может быть.

Всё это так очевидно, что даже тошно,
Как аксиома, заученная до дыр.
Я бы спасла свою жизнь, но она ничтожна.
Ровно настолько, насколько ничтожен мир.

Мы – это дети распада, как все поэты.
Мы не рисуем нот, не поём картин.
Я уже многое выслушала об этом.

Хоть напоследок,
Пожалуйста,
Прекрати.
Освободите небо
Мы избежали стресса,
Спрятались в мнимом царстве.
Завтра стакан эспрессо
Станет твоим лекарством.

Завтра сотрет и смоет
Все твои дни и годы.
Город умрет с тобою.
Смысла просить свободы

Нет и не будет точно —
Вечность тебя захватит.
Ты пустота меж строчек,
С выпада, на расплате.

Книжечка с дальних полок,
Горло стянувший полоз.
Ты ледяной осколок
Мира, который смёл нас.

Ты неживой и мрачный,
В темных тонах-оттенках,

Знаем ли однозначно,
Сколько таких систем, как

Наша с тобою Бездна?
(Был коридор зелёным)
Можно ли безвозмездно
Выбраться из неё нам?

Сто разноцветных нитей
Нас оплетают слепо.
Котики, отодвиньтесь.
Освободите небо.

Двадцать первое

Посади меня в темную, полупустую клетку.

Подготовь меня к самой мучительной смертной казни.

Двадцать первого марта я выдам тебе конфетку,

У меня, получается, профессиональный праздник.

*

Миру поведай рьяно, как все жестоки, как они алчут вцепиться друг другу в глотки. Это не я, это света внутреннего потоки прорываются из меня пустотками. Вырываются и утопают в каждом потерянном – комнатные растения. Мы будем самой искренней и бумажной попыткой чтения. Самым любимым кругом чужого ада, самым живым, имеющим смысл мирком. Ты продолжаешь кричать, что писать – награда, но никому до сих пор не сказал о ком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.